

УДК 159.922.4:316.7(477)

Е. А. Фостачук, асист.

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра социологии

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

В статье делается попытка теоретического анализа концепта "ментальность", ее социальных факторов и индикаторов, взаимосвязей ментальности и социальной памяти и некоторых аспектов конструирования ментальности посредством образовательных институтов и языковой политики.

Ключевые слова: ментальность, социальная память.

Концепт "ментальность" нелегко определить однозначно. Даже во французской историографии XX века, где, собственно, сложилось научное направление "истории ментальностей", критерии анализа этого феномена претерпели значительные изменения за те 50 лет, которые отделяют исследования "ментальных структур" Марка Блоха от "цивилизаций" Жака ле Гоффа.

Интеллектуальная традиция "истории ментальностей" развивалась в значительной мере под влиянием классического французского социологизма ("холизма") и существенно отличалась как от традиционных немецких *Geistesgeschichte* ("истории Духа") и *Begriffsgeschichte* (истории Деяний), так и от американской "истории идей"; ее, скорее, можно назвать "исторической антропологией идей" [1, 1]. Впервые термин "ментальность" был введен в научный оборот учеником Э. Дюркгейма антропологом Ж. Леви-Брюлем в его работе "Примитивное мышление" (1922) для описания донаучных "мистических" форм первобытного сознания. В 30-е годы XX в. основоположники "Анналов" М. Блох и Ж. Февр, исследовавшие социальные структуры и "концептуальный **annaparT**" (**ouillage mental**) французского общества эпохи средневековья и Нового Времени, стали использовать заимствованный у Э. Дюркгейма термин "коллективные представления" и считали предметом своих исследований "структуры коллективной ментальности". Другой выдающийся представитель этой школы — Ф. Бродель сравнивал ментальности ("стили мышления") с "длительным тюремным заключением" (**prisons de longee duree**), замыкающим индивидуальное сознание в систему значений, свойственную конкретному социальному пространству и времени [2, 10].

"Ментальность" как понятие, обладающее значительным эвристическим потенциалом, использовалось традицией "социологии знания" (К. Манхейм, например, сравнивал "ментальные привычки" и "стили мышления", свойственные консервативному немецкому историцизму и либеральному французскому универсализму). С другой стороны, пред-

ставитель направления "культурной истории" Й. Хризинга, в своем анализе "форм мышления" (*gedachtenvormen*), различал типы "ментальности" как семантические вариативы "персоналистичности", "символизма" и "историчности".

Дж. Каннингем, которого М. Фуко считал одним из своих учителей, рассматривая "эпистемиологические разрывы" европейской интеллектуальной традиции, заметил, что понятие "ментальность" подходит для того, чтобы "заполнить концептуальное пространство между историей идей и социальной историей", а также избежать распространенного выбора между интеллектуальной историей "вне общества" и позитивной историей "только событий" [3, 9].

Кроме того, сам концепт несколько раз переживал как периоды "моды" (если можно так назвать частое его использование в научной речи и политической публицистике), так и периоды "забвения" и поистине уничтожающей критики. Заметно, однако, что методологический дискурс различных гуманитарных дисциплин и идеологическая фразеология склонны ангажировать это понятие тогда, когда речь идет о чем-то "иррациональном" и "нелогичном" (дологическом) в коллективном сознании. Примером тому могут служить часто встречающиеся объяснения глубинных причин политических (доктринальных), межэтнических и групповых конфликтов или трудностей межкультурного понимания. В повседневном языке сложился даже своеобразный производный *quasi*-термин — "менталитет", который мыслится как главный фактор непонимания "другого" — представителя "иной" эпохи, или общности, или культуры, *причем* непонимания на уровне значений (контекстов).

Социологический подход к анализу феномена ментальности должен, по нашему мнению, принимать во внимание несколько условий.

Во-первых, следует сразу же отказаться от конструирования неких моделей "коллективной", "исторической" или "национальной" психологии (об этом предупреждал исследователей Э. Дюркгейм) — правильное будет считать, что "ментальность" имеет социальный *ontos*, понимаемый как *система значений* или коллективных представлений среды (у Дюркгейма: *milieu*). Наверное, некоторым исследователям хотелось бы не только верить, но и достоверно (эмпирически) доказать, что различия ментальностей происходят из различий "Психик Народов" (такие формулировки встречаются). Только для начала важно понять, что иметь в виду под психикой: либо это метафизическая античная "*psyche*" — Душа, или система неких непознанных нейрохимических (или гено-информационных?) процессов, о которых трудно составить даже дилетантское представление, чтобы не воплощать в жизнь формулу: *credo quia absurdum*. Можно предположить, что некоторые методологические противоречия "исторической психологии" и "этнологии" связаны с упрощенным пониманием термина "социальный характер" (Э. Фромм) как совокупности *психических* характеристик общности, главным образом, *национальной*; в то время как

и Э. Фромм и Г. Маркузе считали главным не пространственный, а временной фактор (историчность).

Во-вторых, предметом исследования в рамках "ментальности" являются, *как правило*, повседневные верования, эмоциональные оценочные суждения, стереотипы от "здорового смысла", *общепонятные* внутри данной среды символы и знаки и в меньшей мере — специально создаваемые научные теории, идеи, институционализированные догматы (религиозные, образовательные, правовые) и образы искусства.

В-третьих, для схватывания исторических и пространственных различий между ментальностями следует сравнивать и *содержание*, и *структуру* коллективных представлений, не выпуская из виду и то, *что* (в смысле содержания) люди думают, и то, *как* (в каких категориях, метафорах и знаках) они выражаются [4, 8].

Рассматривая ментальности под таким углом зрения, приходим к выводу о том, что *структура* и *состояние* их — например, сравнительно единообразное (как в эпоху средневековья) или множественное (как сейчас) — могут быть важной *интегральной* характеристикой культуры (субкультуры), эпохи, общности. Анализ структур ментальности может служить основанием глубокой по смыслу и изящной по форме типологии культур, которую дает Ю. М. Лотман: он разделяет культуры на нарративные и парадигматичные в зависимости от того, в какой мере создаются, нормируются и отчуждаются значения культурной семиосферы [5, 8]. Кроме того, единообразие ментальности может отображать *меру (степень) интеграции конкретного социума и доминирующий тип солидарности*.

Сам знак "ментальность" объективируется индивидуальным сознанием как ценность (позитивная или негативная) собственной идентичности. Буквально: Я думаю, как Мы (Слава Богу!), или наоборот: Я думаю, оказывается, как Они, все эти (Упаси, Господи!).

Но для того чтобы оценить, измерить и составить суждение о единообразии (многообразии) ментальностей и их структур, следует выделить главные индикаторы для эмпирической фиксации, которыми *могут быть*:

1. Все возможные распространенные (часто воспроизводимые) знаки, выражающие "самоописания" общности и "отличия" ее от иных общностей. Речь идет об эмоциональных оценках, образах "себя" и "других", верованиях, убеждениях (рациональных и абсурдных), символах, метафорах (другие семантические единицы также возможны), научных категориях. Данная группа индикаторов чаще всего проявляется в национальной (этнической) символике — официальной и неофициальной; идеологических (дидактических) и художественных текстах, публицистике "на злобу дня", высказываниях и оценках событий политическими деятелями и деятелями искусства, которые передаются через СМИ. Именно "публичная сфера" производит, а потом многократно воспроизводит генерализующие самооценки типа "менталитет совка", "малоросійський комплекс меншовартості" или знаки-называния вроде "новые русские".

2. Значения ритуального поведения *иных* культур, расхожие интерпретации базисных ценностей (любовь — зла, жизнь — страдание, счастье — иллюзия (служение обществу), знания — скорбь (сила)), норм (*dura lex; закон что дышло...*), представления (сериации) о том, *что может быть* истинным (подлинным), красивым, благим, чистым, законным (легальным), нравственным, оправданным (и все наоборот).

3. Повседневные "закономерности": суеверия, приметы, ожидания, модели поведения "от здравого смысла" (стереотипы) и в соответствии с институционализированными ценностями и средствами — иначе говоря, традиции, или *deon*. Вторая и третья группа индикаторов (строго говоря, все подразделение весьма условно) связана со структурами повседневного языка. Под повседневным языком здесь понимается как официальный язык "титульной" нации, используемый государственными структурами, так и язык межэтнического взаимодействия — *lingua franca*. Именно в таком статусе существует сейчас русский язык в украинском государстве, и автор данных строк использует его даже не из пафоса этнического самосознания, а скорее всего для того, чтобы избежать ошибок *переводимости* некоторых скромных метафор.

4. Исторически сложившиеся периодизации прошлого, персональные мифологемы (*schemata*), "достопамятное" и его критерии.

Далее необходимо, по-видимому, повторить здесь "общее место", свойственное многим теориям: ментальности складываются исторически. Отталкиваясь от этой посылки, можно сказать, что ментальность онтологически связана с социальной памятью и более или менее научным знанием о прошлом (историографией). При этом оба понятия — "история" как деятельность и "память" как социокультурная система — представляются достаточно проблематичными: ни "запоминание" прошлого, ни "описание" его не может считаться объективным. Они возможно, близки к тому, что называется "доксой", но никак не "эпистемой". В обоих случаях — как стихийного, так и направленного "научным интересом" процесса — они сводятся к селекции, интерпретации и реинтерпретации адекватных (видению данной культуры) данных под влиянием ценностей социальных групп.

Итак, динамика ментальности напрямую зависит от социокультурной ситуации.

Однако "социокультурная ситуация" — слишком многозначное понятие; оно требует уточнения в плане тех факторов, которые могут оказывать непосредственное влияние на коллективные ментальные трансформации.

Первый и главный из них — способ жизнедеятельности конкретной общности. Он может быть назван "способом выживания" (применительно к примитивным культурам), типом солидарности (если особо выделять нормативно-правовой аспект), интеракции (аспект ролевого взаимодействия), "моральной экономии" (аспект производства — потребления), "заботы о себе" (аспект свободы — подчинения) или "практики Я" (аспект идентичностей).

Второй фактор — господствующая (распространяемая через образовательные институты и СМИ) *картина мира*, которая может быть мифологической, религиозной или научной, и предлагаемые доминирующей идеологией категории, причинно-следственные взаимосвязи и оценочные суждения.

Третий фактор — характерный для социокультурной ситуации *тип историчности*, выражающийся в соотношении достопамятного в научной историографии, устной традиции и художественном творчестве.

Сегодняшнее украинское общество с полным правом можно назвать полиэтничным, мультикультурным и как минимум двуязычным (билингвальным). Направляемые государственной политикой интеграционные процессы, созидание "украинской солидарности", понимаемое как "розбудова нації та державності", как представляется, только выиграли бы от единообразия некоторых структур ментальности — а именно предвзятостей об общем историческом прошлом, о достижении государственной независимости как закономерной цели (теодицее) на протяжении многих веков украинской истории. Именно эту цель — идеологическое *конструирование* ментальности преследовало создание в 1996 году единой программы по истории Украины, действие которой в образовательных учреждениях имеет характер нормативного акта. Главные периодизации, персональные схемы, селекция и интерпретация обязательных для школьного изучения событий были частично заимствованы из методологических подходов "диаспорной" (главным образом канадской) школы истории Украины. Процесс освоения новой программы по-разному воспринимался профессионалами в различных регионах страны — от однозначного одобрения в западном регионе до пассивного "привыкания" в южном.

Воспринятый в процессе школьного обучения "фактаж" национальной истории закреплен в категориях и метафорах "рафинированного", изысканного украинского языка, на котором говорят близкие к государственным структурам СМИ (и который сильно отличается от переполненной "русизмами" (а это почти негативная ценность!) повседневной речи). Такое знание становится *доминирующим* знанием о прошлом *мультикультурной* общности. На это "контролируемое" знание гораздо лучше "ложатся" идеологические знаки о преимущественно европейской принадлежности Украины и отчуждении различного рода культурно-исторических связей с Россией и странами Востока.

Данный путь представляется целесообразным с точки зрения достижения сравнительно единых идентификационных практик внутри общества, однако не следует забывать, что этот путь уже был пройден в течение прошлых полутора веков, в эпоху расцвета "государственных историографий" в странах Европы, Америки, в дореволюционной России и СССР. Современный мир, мир сетевых структур и волюнтаристических идентичностей, становится все более *единым в своем многообразии*, в том числе в многообразии ментальностей.

Литература

1. Барг М.А. Эпохи и идеи — М.: Наука, 1974.
2. Барг Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Изд. группа "Прогресс", "Универс", 1994.
3. Барг Р. Мифологии - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
4. Бурдые П. Начала — М.: Socio — Logos, 1994.
5. Гуревич А. Категории и методы исторической науки — М.: Наука, 1972.
6. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада — М.: Наука, 1986.
8. Лотман М.Ю. Семиосфера. — СПб.: Искусство, 2000.
9. Foucault M. Madness and Civilization — NY: Polity Press, 1970.
10. Vouvelle M. Ideologies and Mentalities — NY: Polity Press, 1990.

О. О. Фостачук

СОЦІАЛЬНА ПАМ'ЯТЬ ТА КОНСТРУЮВАННЯ МЕНТАЛЬНОСТІ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНІ

Резюме

У статті надається спроба теоретичного аналізу концепту "ментальність", її соціальних індикаторів і чинників, виділення взаємозв'язків ментальності та соціальної пам'яті та деяких засад конструювання ментальності через освітні інститути та мовну політику.

Ключові слова: ментальність, соціальна пам'ять.

E. A. Fostachuk

SOCIAL MEMORY AND THE CONSTRUCTION OF MENTALITY IN MODERN UKRAINE

Summary

This essay could be defined as an attempt to reveal meaning varieties of the "mentality" concept and to distinguish the main methodological problems in the sociological analysis of "mentalities".

The emphasis is made on the theoretical construction of mentalities in the framework of the educational and lingual policy in Ukraine.

Key words: mentality, social memory.